

УДК 620.92 (470) “21”

Минаев О.С.

Московский государственный областной университет

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ РОССИИ В XXI ВЕКЕ*

О. Минаев

Moscow State Regional University

ENERGY SECURITY AS A FACTOR OF PROVIDING DEFENCE IN RUSSIA IN XXI CENTURY

Аннотация. В статье проведен анализ некоторых «точек пересечения» обороноспособности России с энергетической безопасностью, в частности таких как: обороноспособность и ресурсообеспеченность; количество и эффективность внутреннего потребления энергоресурсов, как один из критериев обороноспособности; развитие геополитических партнерских отношений со странами, имеющими сходные с Россией энергетические интересы, для коллективного укрепления обороноспособности; развитие регионального энергетического потенциала России, как способ обеспечения обороноспособности; развитие ядерного потенциала как важного инструмента обеспечения энергетической безопасности и ключевого инструмента сохранения высокого уровня обороноспособности страны.

Ключевые слова: энергетика, энергетическая безопасность, энергоресурсы, энергетический потенциал, атомная энергетика, обороноспособность.

Abstract. The article analyses some “points of intersection” of Russia’s defence capability and energy security such as: state’s defence and the availability of sufficient energy resources; the number and effectiveness of internal energy consumption as one of the criterion for the defence; the development of geo-political partnership with countries with similar energy interests with Russia for strengthening the collective defence; the development of regional energy potential of Russia as a mean of defence; the development of nuclear capability as an important tool for achieving energy security and a key instrument in maintaining a high level of defence.

Key words: energy, energy security, energy resources, energy potential, nuclear energy, defence.

В риторике политических выступлений часто звучат заявления о возрастании значимости энергетики для обеспечения политической и экономической мощи России, для восстановления ее международного статуса, даже имперского могущества. В научной литературе и публицистике энергетическая безопасность также чаще всего рассматривается в связи с проблемами макроэкономики, политики и геополитики. Вместе с тем автор считает недостаточно изученными различные аспекты такой связи энергетической безопасности и обороноспособности страны. Эти актуальные вопросы и являются предметом исследования при выяснении, в какой степени и каким образом взаимосвязаны обороноспособность и энергетическая безопасность России.

Если обороноспособность понимать как готовность субъекта к обороне и обладание всеми необходимыми для обороны средствами [22, 580], то следует выделить, по меньшей мере, пять «точек пересечения» обороноспособности российского общества и государства с энергетической безопасностью.

В первой «точке» обороноспособность в значительной степени является функцией ресурсообеспеченности.

* © Минаев О.С.

Каков уровень обороноспособности России с точки зрения обеспеченности энергетическими ресурсами? Госкомстат РФ и Российская академия наук оценивают ресурсный потенциал России в 340-380 трлн долларов. На российской территории к настоящему времени в абсолютных цифрах уже добыто 14 млрд тонн нефти и 8,5 трлн кубометров газа. Однако потенциал далеко не исчерпан: во всем объеме мировых прогнозных запасов нефти Россия владеет 13%. На нашей территории, согласно оценкам, залегают 42% газа и 43% – угля. В настоящее время в России добывается 11% мирового объема нефти, 28% – газа, 14% – угля. Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что наша страна обеспечена энергоресурсами не только полностью, но и с избытком, в то время как Япония зависит от иностранных энергоресурсов на 82%, Германия и Франция – на 50-52%, США – на 23% [3, 78].

Однако для обеспечения нужд обороны недостаточно лишь наличия месторождений энергоносителей на территории государства – необходима развитая инфраструктура их добычи, транспортировки и переработки. Российская энергетическая инфраструктура является в достаточной степени развитой для обеспечения нужд оборонного комплекса. Так, Россия имеет магистральные трубопроводы протяженностью 210 тыс. км [3, 79]. Добываемый в России природный газ поступает в магистральные газопроводы, объединенные в Единую систему газоснабжения протяженностью 155 тыс. км, обеспечивающую непрерывный цикл поставки газа от скважины до конечного потребителя. В систему входят 268 компрессорных станций с общей мощностью газоперекачивающих узлов в 44,8 млн кВт. Единая система газоснабжения России принадлежит ОАО «Газпром». Около 95% нефти, добываемой в России, транспортируется потребителю по системе магистральных нефтепроводов ОАО «Транснефть» – государственной компании, учрежденной Правительством РФ. Ее мощность оценивается в 545.000 тонн нефти в день [4, 14]. На трубопроводный транспорт

приходится 52,5% общего грузооборота в стране по сравнению с 16,1% в США, 4,4% – во Франции, 2% – в Китае [3, 75].

Остальная часть нефти транспортируется по железной дороге или в танкерах. Россия контролирует единственный наземный путь, связывающий Евро-Атлантический и Азиатско-Тихоокеанский регионы – Транссибирскую железную дорогу. Важным стратегическим объектом является также Байкало-Амурская магистраль. Россия унаследовала 57% всех судов торгового флота СССР и до сих пор сохраняет одно из лидирующих мест в мире по количеству судов и по тоннажу [3, 76].

Однако и наличие ресурсов, и инфраструктуры само по себе не гарантирует энергетическую составляющую оборонного потенциала, стратегической стабильности и военной безопасности. При изношенности инфраструктуры, неэффективности управленческой подсистемы, недостатках в планировании, организации, контроле и информационном обеспечении, – энергетическая система не сможет реагировать должным образом на угрозы целостности и суверенитету государства.

Существующий в настоящее время механизм управления российской энергетикой представляет собой несистемное и порой противоречивое единство либерализованной и централизованной управленческих подсистем, что делает всю энергетическую систему недостаточно устойчивой к внешним воздействиям. Состояние энергетической инфраструктуры также не в полной мере соответствует задачам оборонного комплекса страны. Факт ее изношенности отмечается всеми аналитиками. Только в Сибири из-за устаревших технологий, трещин в трубопроводах и т. д. происходит утечка 1-2% добываемой нефти, что наносит непоправимый ущерб окружающей природной среде. В Северном море эта цифра составляет около 0,001 % [23, 14]. О вероятности и опасности техногенных катастроф уже сказано выше.

Кроме того, количество энергетических ресурсов и даже качество инфраструктуры

сами по себе не могут предрешить исход военного конфликта: например, американскому военному департаменту для полного развертывания оборонного потенциала достаточно лишь 2% всей потребляемой в США нефти.

Следует отметить также следующую проблему. Наличие большого количества энерго-ресурсов, при отсутствии общенациональной стратегии их эффективного использования и национального консенсуса по поводу их распределения, может стать при определенных условиях не двигателем развития, а внутренней угрозой для суверенитета государства. Так, доступ к запасам нефти в Нигерии стал не только предметом конфликта между двумя политическими группировками, но и причиной длительной и кровопролитной гражданской войны, унесшей жизни около 700 тысяч человек. Доступ к ресурсам может рассматриваться и как источник угрозы для суверенитета России. Когда территория и ее потенциал – ресурсы, инфраструктура, коммуникации, – становятся объектом притязания региональных элит, возрастает вероятность разрастания сепаратистских конфликтов.

Именно искушение элит доступом к энергоресурсам подпитывает как сепаратистские настроения в Чечне, так и латентный сепаратизм Сибири и Дальнего Востока. В Сибири политическая элита и часть граждан, разделяющих сепаратистские взгляды, утверждают, что «Москва толкает нас к сепаратистским действиям» [24], обращаясь к аргументу, что федеральное правительство ведет колониальную политику по отношению к Сибирскому региону и ссылаясь на соотношение количества природных ресурсов, добываемых в Сибири, и уровня жизни сибиряков. Сторонники сибирского сепаратизма заявляют, что «восточные территории России давно стали объектом нещадной эксплуатации и получения прибыли в интересах других территорий и групп населения», и констатируют, что «за последние десять - пятнадцать лет контраст стал еще резче» [19, 3]. Так, энергоресурсы становятся фактором разрастания сепаратизма: в настоящее вре-

мя значительная часть (25,7%) респондентов в Иркутске считает наиболее выгодным существование Иркутской области в форме самостоятельного государства [24].

В разрастании ресурсного сепаратизма совершенно очевидно заинтересованы геополитические оппоненты России. Сепаратизм, ослабляя Россию, усиливает позиции потенциальных интервентов в российскую экономику и политику. Об этом прямо пишет З. Бжезинский: «Первоочередная задача России должна состоять в том, чтобы модернизироваться, а не в том, чтобы предпринимать тщетные усилия в попытках вернуть себе статус мировой державы. С учетом размеров этой страны и разнообразия условий, сложившихся в ее условиях, можно утверждать, что децентрализация политической системы и переход к рыночной экономике наибольшим образом способствовали бы высвобождению созидательного потенциала российского народа и освоению богатых природных ресурсов. России, построенной на основе свободной конфедерации в составе Европейской России, Сибирской и Дальневосточной республик, было бы легче развивать тесные экономические отношения с соседями» [7, 107]. Представляется, что под «тесными экономическими отношениями с соседями» как раз и подразумевается интервенция иностранных компаний в добычу энергоресурсов на территории России. Следовательно, есть все основания утверждать, что обеспечение энергетической безопасности как фактор обороноспособности подразумевает нахождение всенационального консенсуса по поводу принципов добычи и распределения прибылей от эксплуатации месторождений энергоресурсов и преодоление энергетического сепаратизма.

На взгляд автора, Россия пока еще далека от достижения такого консенсуса. Так, на основе использования опыта Норвегии, где осуществляется жесткий контроль за поступлениями в государственный бюджет доходов, полученных за счет прямого участия государства в сфере добычи нефти и газа, и функционирует так называемый «нефтяной

фонд», в России также был создан Стабилизационный фонд. Однако до сих пор в России не существует согласия политических сил по вопросу управления Стабфондом и использования его средств. Более того, в период глобального финансового кризиса 2008-2010 гг. в адрес Правительства РФ раздавалась справедливая критика по поводу недостаточной эффективности управления средствами Фонда.

Таким образом, зависимость обороноспособности от ресурсообеспеченности является не единственной и не основной точкой пересечения военной и энергетической безопасности.

Второй точкой пересечения энергетики и обороноспособности является *количество и эффективность внутреннего потребления энергоресурсов, выступающие как критерий обороноспособности государства*. Чем больше потребность общества в энергоресурсах и чем лучше она удовлетворена, тем интенсивнее экономическое и социальное развитие и тем выше способность общества реагировать на вызовы и угрозы, в том числе с использованием оборонного инструментария.

Страны блока НАТО являются крупнейшими в мире потребителями нефти и газа, причем европейские страны по потреблению энергии значительно отстают от США, обладая меньшим экономическим потенциалом и меньшим количеством транспорта. США, имея около 5% населения планеты, потребляют примерно 50% сырья и 25% нефтепродуктов, добываемых в мире [3, 79]. Это означает, что энергоресурсы перерабатываются внутри страны, в том числе для нужд оборонного комплекса. Причем доля нефти и газа, несмотря на нынешнее увлечение всех этими вопросами, в мировом валовом национальном продукте постоянно падает, и большинство государств-экспортеров, имея энергоресурсы, в отличие от импортеров, относительно беднеет [5, 103; 6, 207]. «Экспорт нефти не только не обеспечил в большинстве основных стран-экспортеров роста душевого производства ВВП ППС до уровня развитых стран или так называемых «азиатс-

ких тигров», но и не смог даже сохранить его на том уровне, который имелся у них 30 лет назад». В самом деле, в Саудовской Аравии он снизился на 13.4% [10], в Нигерии – на 15, в Венесуэле – на 22.5, а ОАЭ – на 31%, в Ливии – в 3.5 раза, в Ираке – в 5.3 раза. Напротив, в некогда отсталых, не имеющих собственных ресурсов нефти странах, экономический рост в рассматриваемый период времени был в десятки раз более интенсивным, чем в ведущих мировых экспортерах нефти. Так, в Израиле, Таиланде и Гонконге производство ВВП ППС на душу населения увеличилось в 3.6-3.8 раза, в Корее и Сингапуре – в 4.6-4.7 раза, на Тайване – в 5.9 раза. И только на Филиппинах, в Бразилии и Турции производство ВВП ППС на душу населения за 30 лет увеличилось примерно так же, как в Алжире или Мексике. Таким образом, экономическая история однозначно свидетельствует, что «нефтяная отрасль, ориентированная на экспорт, в принципе не может обеспечить долговременный и устойчивый экономический рост» [14, 11].

Россия не должна повторить путь энергетических придатков развитых стран, которые используют нефть и газ как *материю и инструмент для развития экономики, укрепления обороноспособности*, поднятия уровня жизни населения, активно и с нарастающими темпами потребляя как собственные запасы, так и импортные энергоресурсы. Более того, даже не наличие, а отсутствие собственных энергоресурсов подчас становится двигателем прогресса. «Необходимость» – один из самых сильных стимулов к развитию. В процессе развития общество вынуждено не просто потреблять, но добывать, искать, экономить, эффективно использовать энергетические ресурсы, изобретать новые источники и новые технологии. Необходимость в энергетическом развитии приводит к совершенствованию технологической, экономической и социальной инфраструктур. Так, потребность в новых источниках побудила нефтяников первыми в мире пробурить морскую скважину и добыть первую нефть с глубины моря. И не столько открытие, сколько разра-

ботка технологий добычи нефти в Северном море оценивается как технологический скачок в развитии многих стран Европы, сравнимый с созданием космических технологий [1, 149].

Таким образом, необходимо предостеречь от представления, что наличие большого количества ресурсов обеспечивает обороноспособность России [8, 14]. Нашему государству «нельзя быть энергетической сверхдержавой. Исходя из опыта США и стран Европы, нефть и газ следует рассматривать лишь как дополнение к стратегии национального развития, но на них собственную стратегию обороны и национального развития строить нельзя. Если мы не используем нынешнее наше сложившееся богатство для развития человеческого капитала, различных отраслей, других отраслей экономики, то через несколько лет неизбежно наши мировые позиции начнут тихо проседать» [10].

Третья точка пересечения энергетической безопасности и обороноспособности находится в плоскости геостратегического соперничества и геостратегического партнерства.

Как уже отмечалось в исследовании, борьба за доступ к энергетическим ресурсам и реализация других геоэнергетических интересов, является основным объектом геополитических соперничеств, противоборств и даже конфликтов с использованием военной силы в XXI веке [15, 86; 16; 401]. При этом уже сегодня силовые методы защиты национальных, государственных интересов интегрируются с методами внешнеэкономической борьбы. Объективно возникают предпосылки для рассмотрения новых форм геополитического соперничества – геоэкономического противоборства [3, 84].

Иными словами, энергетические интересы являются базисом современной геополитики. Но если верно суждение, что энергетические интересы лежат в основе геополитических соперничеств, то в такой же степени верно и то, что интересы обеспечения энергетической безопасности и обороноспособности образуют новые конфигурации геополити-

ческих союзов и долгосрочных партнерств.

Уже к началу XXI в. высокие темпы набрал процесс нового геополитического деления, но уже не на капиталистический и социалистический блоки, а по принципу наличия или отсутствия запасов нефти и газа и на основе стратегических подходов к обеспечению энергетической безопасности [13, 7]. Эти подходы лежат в основе укрепления Евросоюза – нового геостратегического конгломерата [6, 219]. Новые структуры в Евросоюзе строятся с опорой на стратегии обеспечения всеевропейской энергетической безопасности, с расчетом на расширение доступа европейских стран к энергетическим ресурсам, в том числе к ресурсам других субъектов мировой политики [11, 212]. Таким образом, энергодефицитные (европейские) страны образуют политические блоки для осуществления совместных стратегий снижения угрозы дефицита энергии и обеспечения доступа к ресурсам, причем в перспективе при помощи не только дипломатических средств, но и военных.

Эта политика создает угрозы для «стран-энергодоноров», к числу которых относятся и Россия. Интересы обеспечения энергетической безопасности вынуждают и Россию формулировать для себя новые задачи военной и энергетической политики, строить новые долгосрочные стратегические партнерства.

Показательно, что в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», утвержденной Президентом Российской Федерации в мае 2009 г., вопросам энергетической безопасности и стратегического партнерства в этой области уделено особое внимание. Главными стратегическими рисками и угрозами национальной безопасности в энергетической сфере названы потеря контроля над национальными ресурсами, ухудшение состояния сырьевой базы промышленности и энергетики, «дефицит топливно-энергетических, водных и биологических ресурсов, принятие дискриминационных мер и усиление недобросо-

вестной конкуренции в отношении России» [21].

В Стратегии официально признается возможность использования военной силы для отстаивания интересов энергетической безопасности. Так, указывается, что в будущем «не исключены решения возникающих проблем с применением военной силы – может быть нарушен сложившийся баланс сил вблизи границ РФ и границ ее союзников, возрастет риск увеличения числа государств – обладателей ядерного оружия» [21].

В связи с этим важным, даже приоритетным для России называется развитие отношений двустороннего и многостороннего сотрудничества с государствами-участниками СНГ. Главным межгосударственным инструментом, призванным противостоять «региональным вызовам и угрозам военно-политического и военно-стратегического характера...» называется ОДКБ – Организация Договора о коллективной безопасности (военно-политический союз, созданный государствами СНГ на основе Договора о коллективной безопасности, подписанного 15 мая 1992 г.). Задачами ОДКБ является защита территориально-экономического пространства стран-участниц договора совместными усилиями армий и вспомогательных подразделений от любых внешних военно-политических агрессоров, международных террористов, а также от природных катастроф крупного масштаба. С этой же целью при участии Китая была создана Шанхайская организация сотрудничества [15, 86; 16, 408]. Подобные способы сотрудничества, в том числе и военного, должны будут эффективно обеспечивать безопасность России и ее партнеров в Центрально-Азиатском регионе [13, 8].

Таким образом, в настоящее время одним из направлений обеспечения обороноспособности и энергетической безопасности для России является развитие геополитических партнерских отношений со странами, имеющими сходные с Россией геоэнергетические интересы, и выстраивание с ними долгосрочного сотрудничества для коллективного ук-

репления обороноспособности и энергетической безопасности.

Четвертой точкой пересечения энергетической безопасности и обороноспособности является развитие регионального энергетического потенциала России как способ обеспечения доступа к новым месторождениям энергоресурсов и укрепления энергетической безопасности, с одной стороны, и как условие укрепления государственного суверенитета и обеспечения обороноспособности, с другой.

В настоящее время регионом, который, с одной стороны, обладает огромными запасами углеводородов (около 13% неразведанных мировых запасов нефти и 30% оценочных мировых запасов газа), с другой стороны, большое военно-стратегическое значение имеет Арктика (через ее территорию проходят кратчайшие морские и воздушные маршруты, соединяющие Северную Америку и Евразию). Причем как энергетическое, так и военно-стратегическое значение Арктики в последнее время только возрастает. Осознание этой тенденции означает для России необходимость энергетического освоения Арктики и эскалации военного присутствия в ней.

В первом направлении ведет активные работы «Штокман Девелопмент АГ» по проекту разработки гигантского газового месторождения «Штокман» в Баренцевом море, стоимость которого может превысить 40 млрд. долларов США. Посредством которого Россия планировала продемонстрировать свои претензии на исключительное право владения и разработку богатств Арктики. Была произведена установка на дне Северного Ледовитого океана российского титанового флага.

По второму направлению осуществляется активная милитаризация Арктики. Согласно «Основам государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», принятым 18 сентября 2008 г., главными целями и стратегическими приоритетами геополитики России в Арктике является «обеспечение благоприятного режима в российской Арктической зоне,

включая поддержание необходимого боевого потенциала группировок войск общего назначения Вооруженных сил РФ, других войск, воинских формирований и органов в этом регионе» [17]. В документе отражено намерение России «в сфере военной безопасности, защиты и охраны государственной границы РФ создать группировку войск общего назначения Вооруженных сил РФ, других войск, воинских формирований и органов, в первую очередь пограничных органов, в Арктической зоне РФ, способных обеспечить военную безопасность в различных условиях военно-политической обстановки» [17]. ВМФ РФ уже возобновило морское, а ВВС РФ – воздушное патрулирование арктического пространства.

Таким образом, несмотря на активное противодействие со стороны других государств, Россия, будучи одним из крупнейших производителей и экспортеров энергоресурсов, активно включилась в процесс отстаивания собственных энергетических интересов в Арктике.

В качестве пятой координаты пересечения энергетической безопасности и обороноспособности ядерной державы, каковой является Россия, выступает развитие ядерного потенциала как важного инструмента обеспечения энергетической безопасности, с одной стороны, и как ключевого инструмента сохранения высокого уровня обороноспособности, с другой.

Под ядерным потенциалом в данном контексте понимается не только и не столько ядерное оружие, сколько весь комплекс объектов, в которых используется энергия расщепленного атома, в том числе атомные электростанции, реакторы и т. д. «Ядерный щит и меч» России были созданы еще в 70-е гг. XX в.: в те годы СССР мог противостоять даже объединенным ядерным силам США, Великобритании и Франции. «К этому времени и в этих условиях вопросы ядерной безопасности стали лучше пониматься и лучше обеспечиваться, как один из видов национальной безопасности. В процессе создания и развития атомной отрасли были построе-

ны не только отдельные предприятия, но и целые промышленные комплексы и города, рассредоточенные по территории страны и аккумулировавшие в себя важнейшие достижения мировой и отечественной науки и техники, явившиеся центрами научно-технической мысли, инженерного творчества, рабочего мастерства и социального развития» [2, 29]. Постепенно атомная энергетика, оставаясь приоритетным направлением обеспечения обороноспособности, приобрела все большее мирное – собственно энергетическое – значение: АЭС стали производить электроэнергию для различных отраслей жизни. «И ядерная и радиационная безопасность становились главным условием осуществления деятельности, одной из характеристик качества выполняемых работ и услуг и производимой продукции, условием конкурентоспособности на внутреннем и внешних рынках» [2, 30]. Таковыми они остаются и по сей день.

На взгляд автора, проблема обеспечения ядерной безопасности и обороноспособности должна являться объектом отдельного научного исследования. В рамках нашей работы хотелось бы лишь отметить, что Россия является одной из немногих стран мира, обладающих всем спектром ядерных технологий, который в то же время обеспечивает высокий уровень ядерной, радиационной, общепромышленной и экологической безопасности использования атомной энергии.

В 1990-е гг. происходили революционные изменения во всех сферах жизни в нашей стране. Переход на рыночные отношения, либерализация и монетаризация, конверсия, приватизация и многие другие процессы настолько негативно сказались на состоянии атомной энергетике, что создали угрозу национальной безопасности. Эта ситуация подробно описана и проанализирована в «Концепции национальной безопасности Российской Федерации» (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24). В связи с наличием таких угроз в качестве основного принципа государственной политики в области ядер-

ной энергетики отнесено централизованное государственное управление ядерно-опасными объектами и контроль над их деятельностью.

В 1990-е гг. атомная отрасль России переживала свой упадок. Однако в настоящее время она рассматривается как форпост обеспечения энергетической безопасности и обороноспособности России. В рамках реализации стратегии инновационного развития в России начинается воплощение в жизнь Атомного проекта № 2, регулируемого соответствующим законодательством. Этот атомный проект предусматривает следующие направления обеспечения энергетической безопасности и обороноспособности:

- демократизация управления;
- введение рыночных механизмов;
- сохранение и увеличение доли атомной генерации;
- оптимизация состава и численности ядерного оборонного комплекса;
- активное вовлечение технологий ядерного оборонного комплекса в гражданскую деятельность – технологии двойного назначения;
- безусловное обеспечение ядерной и радиационной безопасности;
- ликвидация ядерного наследия и обеспечение решения «отложенных проблем» [2, 29].

Энергетическую безопасность следует считать одним из ключевых факторов обороноспособности России от энергетической безопасности объективно проявляет себя в следующем:

1. *Обороноспособность является функцией ресурсообеспеченности.*
2. *Количество и эффективность внутреннего потребления энергоресурсов выступают как критерий обороноспособности государства.* Чем больше потребность общества в энергоресурсах и чем лучше она удовлетворена, тем интенсивнее экономическое и социальное развитие и тем выше способность общества реагировать на вызовы и угрозы, в том числе с использованием оборонного

инструментария. Исходя из этого, на пути энергетической сверхдержавы Россию подстерегает опасность превратиться в энергетический придаток стран, в которых энергоресурсы выступают лишь как условие и дополнение к стратегии национального развития. Обеспеченность ресурсами не гарантирует безопасности и обороноспособности: их необходимо использовать для развития человеческого капитала, различных отраслей экономики.

3. *Развитие геополитических партнерских отношений со странами, имеющими сходные с Россией геоэнергетические интересы, и выстраивание с ними долгосрочного сотрудничества для коллективного укрепления обороноспособности и энергетической безопасности, прежде всего, в рамках ОДКБ и Шанхайской организации сотрудничества, является одним из направлений обеспечения обороноспособности и энергетической безопасности.*

4. *Развитие регионального энергетического потенциала России является способом обеспечения доступа к новым месторождениям энергоресурсов и укрепления энергетической безопасности, с одной стороны, и условием укрепления государственного суверенитета и обеспечения обороноспособности, с другой.*

5. *Развитие ядерного потенциала России является важным направлением обеспечения энергетической безопасности, с одной стороны, и ключевым фактором сохранения высокого уровня обороноспособности, с другой.*

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агакишиев И. Глобализация и энергетические проблемы // Взаимодействие культур в условиях глобализации. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти общенационального лидера азербайджанского народа Гейдара Алиева / Под ред. Мамедова Н.М., Чумакова А.Н. – М.: Канон+, 2010. – 528 с.
2. Агапов А.М., Михайлов М.В., Новиков Г.А. Обеспечение ядерной и радиационной безопасности в условиях реформирования атомной отрасли: от первого Атомного проекта к Атомному проекту 2 // Новые промышленные технологии. – № 2. – 2008. – с. 28-32
3. Ангелов В.Д., Турко Н.И. Энергетика и геополитика

- тика //Дипломатический ежегодник. – 2007. – № 7.
4. Бамбуляк А.Н., Францен Б.О. Транспортировка нефти в Баренцевом регионе. – Сванховд: Экологический Центр, 2008. – 48 с.
 5. Балувев Д.Г. Личностная и государственная безопасность: международно-политическое измерение. – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2004. – 231 с.
 6. Браницкий А.Г. Erit una Eurora? История объединения Европы: проекты, противоречия, перспективы. – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2006. – 322 с.
 7. Бжезинский З.Б. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 2009. – 280 с.
 8. Григорьев Л. Как энергетическая сверхдержава Россия должна проецировать сверхспокойствие и сверхстабильность // Электронный журнал «Экологические системы». – 2007. – № 2 (февраль).
 9. Кавешников Н.Ю. Роль энергодиалога Россия – ЕС в обеспечении энергетической безопасности «Большой Европы» //Вся Европа. – № 5(33). – 2009. – Электронный ресурс: <http://www.allegora.ru>
 10. Карагонов С.А. Политические проблемы энергетики применительно к Центральной Азии и Казахстану: Выступление на конференции «Политические реформы в Казахстане: внутренние и внешние аспекты» в Алматы. 1 ноября 2006 г. //Информационно-аналитический центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. – Электронный ресурс: <http://www.ia-centr.ru/archive/public.html>
 11. Клименко А.Ф. Энергетические факторы в военной политике государств Евразии //Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / Под. ред. Торкунова А.В. – М.: Протор, 2007. – 214 с.
 12. Конопляник А.А. Россия на формирующемся евразийском энергетическом пространстве: проблемы конкурентоспособности. – М.: Нестор академик Паблишерз, 2004. – 270 с.
 13. Лукшин Б.С. Борьба за доступ к энергетическим ресурсам как фактор активизации военной политики государства //Россия и Америка в XXI веке. – 2009. – ноябрь – 02.
 14. Мастепанов А.М., Шафраник Ю.К. Нефть России и глобализация: выбор парадигмы развития //Энергия. – 2006. - № 9. – с. 2-14.
 15. Нефть и газ во внешней политике России /Под ред. Шафраника Ю.К. – М.: Энергоатомиздат, 2000. – 172 с.
 16. Нефть новой России. Ситуация, проблемы, перспективы /Под общ. ред. Алекперова В.Ю. – М.: Древлехранилище, 2007. – 688 с.
 17. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу //http://www.scrf.gov.ru/documents/98.html
 18. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1952. – 848 с.
 19. Пронин Ю. Государство Сибирь: факт или химера? // Байкальские вести. – 10.09.2005
 20. Симонов К.В. Энергетическая сверхдержава. – М.: Алгоритм, 2006. – 272 с.
 21. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года //http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html
 22. Толковый словарь русского языка //Под ред. Ушакова. – М.: Астрель, АСТ, Транзиткнига, 2006. – 1056 с.
 23. Environmental Perceptions //Northwest-Russia Internasjonal Politick. – 65 (1). – 2007. – С. 7-22. – Цит. по: Бамбуляк А.Н., Францен Б.О. Транспортировка нефти в Баренцевом регионе. – Сванховд: Экологический Центр, 2008. – 48 с.
- Электронные ресурсы:*
24. Архив голосований //Бабр.ру. – РИЦ, Сибирь.